

ОСОБОЕ МНЕНИЕ,
изложенное в соответствии с ч. (5) ст. 27 Закона о Конституционном
суде и ст. 67 Кодекса конституционной юрисдикции, к Постановлению
Конституционного суда № 20 от 9 июля 2020 года о толковании
положений ст. 134 ч. (1) и ч. (2), ст. 136 ч. (3) и ст. 140 ч. (2)
Конституции

Нижеподписавшийся, судья Конституционного суда Владимир Цуркан, обратился в суд Кишинэу, сектор Рышкань, с заявлением против Конституционного суда, третьим лицом является коллега Домника Маноле. В соответствии с положениями ст. 206 ч. (1) п. а) Административного кодекса, я потребовал аннулирования Постановления Конституционного суда № AG-4 от 23 апреля 2020 года, которым меня освободили от должности Председателя Конституционного суда, Постановления Конституционного суда № AG-5 от 23 апреля 2020 года об избрании на должность Председателя Конституционного суда, тайным голосованием, на трехлетний срок, судьи Домника Маноле. Кроме того, я потребовал аннулирования Определения Конституционного суда № AG-6 от 18 мая 2020 года об отклонении предварительного заявления.

Я подчеркиваю, что в указанных условиях в Конституционный суд были зарегистрированы представленные некоторыми депутатами обращения № 100b от 23 июня 2020 года, № 102b от 25 июня 2020 года и № 103b от 30 июня 2020 года о толковании норм ст. 134 ч. (1) и ч. (2), ст. 136 ч. (3) и ст. 140 ч. (2) Конституции.

В частности, авторы обращений спрашивали, если постановления об избрании и освобождении от должности Председателя Конституционного суда являются предметом регулирования ст. 140 ч. (2) в сочетании со ст. 134 ч. (1) и ч. (2) и ст. 136 ч. (3) Конституции.

В качестве судьи Конституционного суда и стороны процесса в суде Кишинэу, сектор Рышкань, в административном производстве которого находится дело об отмене постановлений Конституционного суда № AG-4 и № AG-5 от 23 апреля 2020 года и Определения Конституционного суда № AG-6 от 18 мая 2020 года, **я подал заявление о самоотводе. Пленум Конституционного суда отклонил мое заявление.**

Я считаю, что рассмотрение данных обращений Конституционным судом с моим участием и участием судьи Домника Маноле противоречит элементарному конституционному принципу „*nemo iudex in causa sua*”. Из истории права, еще римляне настаивали на закрепление правового принципа, гласящего, что **никто не может быть судьей в собственном деле** (Codex 3.5.10.).

Кроме того, я считаю, что указанные обращения были рассмотрены и разрешены в условиях игнорирования смысла присяги, которую судьи Конституционного суда приносят при вступлении в должность. Согласно ст. 12 ч. (1) Закона о Конституционном суде, судья Конституционного суда приносит Парламенту, Президенту и Высшему совету магистратуры следующую присягу: *«Клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного суда, защищать конституционный строй Республики Молдова, подчиняться при исполнении обязанностей Конституции и только Конституции»*.

Напоминаю, что заявителем в административном судопроизводстве является нижеподписавшийся, а ответчиком – Конституционный суд, третьим лицом – Домника Маноле, Председатель Конституционного суда.

На мой взгляд, юридический постулат „*nemo iudex in causa sua*” призван обеспечивать не только независимость и беспристрастность судей судебной системы,

но и судей Конституционного суда. Полагаю, что в указанных обстоятельствах право на справедливое судебное разбирательство служит только для украшения.

Абстрагируясь от реальных мотивов указанных обращений и анализируя их, я считаю необходимым подчеркнуть, что при даче толкования норм ст. 134 ч. (1) и ч. (2), ст. 136 ч. (3) и ст. 140 ч. (2) Конституции следовало раскрыть: **1)** правовую природу, материальные и формальные требования акта конституционной юрисдикции; **2)** правовую природу постановления об избрании и освобождении от должности Председателя Конституционного суда.

Квинтэссенцией вопросов, сформулированных авторами обращений, особенно обращения № 103b от 30 июня 2020 года, является, если «окончательный характер и отсутствие путей обжалования для решений Конституционного суда относятся только к судебным актам, вынесенным в осуществление материальной компетенции, или они относятся и к решениям, вынесенным в осуществление функциональной компетенции, в частности, к постановлениям Конституционного суда об избрании или освобождении от должности Председателя Конституционного суда ...».

К сожалению, Конституционный суд уклонился от проведения анализа и не дал четкого и правильного ответа на этот вопрос, более того, он дал расширительное и предвзятое толкование.

Согласно внутренней и международной доктрине и практике, **Конституционный суд**, в качестве единственного органа конституционной юрисдикции, **обладает двумя типами компетенции:**

- **Материальная компетенция (*ratione materiae*) конституционной юрисдикции** является основной и, в сущности, заключается в гарантировании верховенства Конституции, в обеспечении реализации принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и гарантировании ответственности государства перед гражданином и гражданина перед государством. В этом смысле, Конституционный суд **наделен соответствующими полномочиями**, исчерпывающий перечень которых следует из данной компетенции и четко излагается в ст. 135 Конституции.

Специальные органические законы, в частности **ст. 4** Кодекса конституционной юрисдикции и **ст. 4** Закона о Конституционном суде, которые воспроизводят со строгой точностью нормы ст. 135 Конституции, развивают **материальную компетенцию** Конституционного суда.

Таким образом, принимая решения на основании судебной компетенции, Конституционный суд выполняет возложенную на него основную функцию: осуществление конституционной юрисдикции. ***De lege lata***, по правовой природе эти решения являются актами конституционной юрисдикции, они принимаются **именем Республики Молдова, носят обязательный характер для всех государственных органов и не подлежат обжалованию**. Именно эти решения Конституционного суда (постановления, заключения, определения) подпадают под действие ст. 140 Конституции.

- Кроме материальной компетенции, Конституционный суд обладает **административной компетенцией**, названной в ст. 5 Кодекса конституционной юрисдикции «**функциональной компетенцией**». Функциональная компетенция Конституционного суда служит для реализации административных функций и материализуется в различных формах **административной деятельности**. В этом смысле, ст. 136 Конституции, **озаглавленная «Структура»**, составляет конституционную основу для организации и эффективной деятельности Конституционного суда, включая порядок избрания Председателя Конституционного суда. В основном, функциональная компетенция реализуется путем принятия

индивидуального административного или нормативного акта. Поскольку и эти акты, как правило, принимает пленум Конституционного суда, их форма/ название могут быть одинаковыми (постановление, заключение, определение). Безусловно, по правовой природе и силе они отличаются от тех, которые проистекают из осуществления конституционной юрисдикции (в этом заключается главная ошибка Постановления Конституционного суда № 20 от 9 июля 2020 года). Не случайно административные акты – индивидуальные или нормативные – не принимаются от имени Республики Молдова и не являются обязательными для исполнения всеми государственными органами страны. По сути, каждый орган публичной власти осуществляет административную деятельность, которая носит второстепенный (соподчиненный Конституции) характер.

В соответствии с положениями ст. 53 Конституции и ст. 39 Административного кодекса, **судебный контроль за административной деятельностью гарантируется и не может быть ограничен. Любое лицо, чье право нарушено органом публичной власти** в смысле статьи 17 или неудовлетворением заявления в установленный законом срок, может обратиться в компетентную судебную инстанцию для реализации права на свободный доступ к правосудию (ст. 20 Конституции). Данный принцип носит **аксиоматичный характер и характерен для правового демократического государства, отличая его от полицейского государства.**

Отсутствие судебного контроля в отношении законности административной (функциональной) деятельности Конституционного суда ставит под большой вопрос существование прозрачности, законности и открытости Конституционного суда для утверждения правового государства и демократического общества.

Правовое государство строится в основном посредством судебного контроля и его реального характера для административной деятельности. С точки зрения условий осуществления, судебный контроль находится ближе к лицу, чем конституционный контроль, и по этим соображениям он является политико-правовым критерием, по которому определяется и проводится разграничение полицейского государства от демократического и правового государства, где достоинство и права человека, в том числе свободный доступ к правосудию, право на справедливое судебное разбирательство, свобода выражения и др., являются правовой догмой, которая служит ориентиром не только для общественно-политических сил, но и для всей деятельности любого органа публичной власти.

Данную практику, к примеру, применяет Верховный суд США (дело *Forrester v. White*, 484 U.S. 219 1988), предусматривает законодательство Румынии (ст. 64-66 Положения об организации и деятельности Конституционного суда), признает ЕСПЧ (дело *Kövesi против Румынии*, 5 мая 2020 г.).

Проанализировав содержание указанных обращений, я считаю абсолютно неприемлемым ограничение судебного контроля путем расширительного толкования, особенно в настоящем деле, конституционных норм, определяющих последствия решений органа конституционной юрисдикции.

Распространение последствий решения органа конституционной юрисдикции на другие его правовые акты и особенно нарушение постулата „*nemo iudex in causa sua*” способны причинить серьезный и непоправимый урон принципу правового государства. Такой подход, *inter alia*, имеет свойство неразумного вмешательства в конституционные принципы, на которые зиждется организация, полномочия и судебные процедуры.

Конституционный суд, в качестве органа публичной власти, является субъектом административного иска, а ограничения судебного контроля в его отношении могут быть установлены, согласно ст. 2 ч. (2) Административного кодекса, только

законодательными нормами, принятыми Парламентом, и только в случае, если это крайне необходимо и не противоречит принципам, которые заложены в основу Административного кодекса.

Я подчеркиваю, что считаю абсолютно неоправданными «спешку», проявленную в разрешении указанных обращений, и истребование по вопросу, представленному на обсуждение в орган конституционной юрисдикции, лишь мнения Института юридических, политических и социологических исследований, исключая университетскую среду.

Интерпретация Основного закона с целью ограничения методом рикошета независимости судебной системы или основных прав, в частности – доступа к судебному контролю, противоречит смыслу Конституции.

Владимир ЦУРКАН
Судья Конституционного суда